

Кант, Гегель и Якоби: смертельный прыжок, или Вельможный тон в философии*

К. Фивег

Йенский университет им. Фридриха Шиллера,
Германия, 07743, Йена, Фюрстенграбен, 1

Для цитирования: Фивег К. Кант, Гегель и Якоби: смертельный прыжок, или Вельможный тон в философии // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 193–209. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.113>

Гегель ясно изложил свою позицию в отношении философствования Якоби, показав вес и пределы непосредственного знания. Гегелевская претензия к мыслителям, настаивающим на непосредственности, в том числе к Якоби, заключается в том, что они «исключают опосредствование», ибо непосредственному знанию придается эксклюзивное положение, и это исключительно непосредственное знание просто утверждают или в нем заверяют как в факте сознания. Поскольку же это чувство как факт сознания выступает критерием истины, постольку фундаментом становится чисто субъективное знание и уверение в обнаружении некоторого содержания в сознании — чистая субъективность без какой-либо объективности, не более. Только лишь непосредственная достоверность именно поэтому и не равна знанию как таковому. Гегелевская «Феноменология духа» стремится к тому, чтобы удовлетворить требование Канта о проверке в виде постепенного движения от чувственной достоверности до абсолютного знания способом полностью осуществленного скептицизма. Глава «Энциклопедия философских наук», посвященная непосредственному знанию, к числу представителей которого относится Якоби, самым последовательным образом заканчивается указанием на скептицизм как на отрицательную науку, проведенную через все без исключения формы познания, которая доказывает ничтожность всех этих «голых уверений». Хотя уже Кант предостерегал от принятия *обветшавших гипотез* как от контрабанды, до наших дней многие довольствуются уверениями и говорят о фактах сознания как о непосредственном открытии субъекта. Якоби формулирует важные возражения против рефлектирующего рассудка, однако против понятийного мышления разума они не имеют никакой силы.

Ключевые слова: Гегель, Кант, Якоби, непосредственное знание, субъект, сознание, опосредование, разум.

---

* Перевод с немецкого А. Н. Муравьёва.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Хваленое *salto mortale* философов зачастую — лишь пустой шум. Они мысленно берут чудовищный разбег и призывают удачу, чтобы одолеть предстоящую опасность; но если немного приглядеться, то окажется, что они не сдвинулись с места. Это — полеты Дон Кихота на деревянном коне.

Фридрих Шлегель

Исходным пунктом предлагаемых размышлений выступают положения, высказанные Иммануилом Кантом и Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем в отношении философствования Фридриха Генриха Якоби. В статье Канта «О вельможном тоне, недавно возникшем в философии» (1796) речь идет о тоне изложения философских учений, который либо образует оживляющую чувства музыку «геркулесовой... работы самопознания», либо не образует ее, если оказывается вельможным, т.е. демонстрирующим в исполнении того, кто философствует, кроме отвращения к труду мысли, “лишь ничего ему не стоящее самообожествление” [1, с. 390]¹. Гегель же, характеризуя писания Якоби, указывает, что тот «на место философских идей ставит *выражения и слова*, которые не должны быть ни познаны, ни поняты» [3, с. 358]² — говоря иначе, на место логических аргументов он ставит образы и метафорику. Центром размышлений будут аргументы в пользу того, что Гегель (особенно в своей рецензии 1817 г. на третий том собрания сочинений Якоби) в вопросе о форме изложения философии напрямую примыкает к Канту.

Вельможный тон в философии

В «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике» и в статье «О вельможном тоне в философии» Кант атакует две философские концепции, которые только по видимости имеют друг с другом мало общего, — шотландскую «философию здравого смысла» и якобиевскую «философию чувства и веры». Об огромном влиянии шотландского религиозного реализма в Германии около 1800 г. имеются очень содержательные исследования³. Из них видно, как немцы усваивали мысли шотландцев и использовали их в качестве оружия борьбы с критициз-

¹ Перевод статьи А. Н. Муравьевы. Русский перевод данного места цитируется по: [2, с. 227].

² Рус. пер.: [4, с. 220].

³ В особенности интересно исследование Манфреда Кюна: [5].

мом. Двумя виднейшими противниками Канта были Шульце-Энезидем и Якоби. В «Пролегоменах» Кант характеризует способ действий Рида и других шотландских мыслителей в вопросах обоснования философии как «ссылку на оракул» и «апелляцию» [6, с. 259]⁴ к здравому смыслу. Это он рассматривает как удобное, но несостоятельное средство, поскольку здравый смысл в качестве обыденного рассудка не в состоянии «обосновать свои принципы» [6, с. 259]⁵, а скептический метод, которым владеет, по существу, лишь критическая философия, показывает неудовлетворительность этого способа действий. Ключевыми для Канта словами здесь являются *оракул*, *апелляция* и *удобство*. В статье «О вельможном тоне в философии» мы находим похожую аргументацию, которая дополняется глубокими размышлениями о форме изложения философии, которую Кант отличает от философствования. Отсылка к предчувствиям субъективного духа, принципиальное намерение философствовать под влиянием высшего чувства и философствование посредством чувства значимы, согласно Канту, лишь на манер *оракула*, речь которого допускает «самые различные толкования» [1, с. 405]⁶. Тем самым Кант указывает на принципиальную многозначность образно-метафорического. Эта позиция *удобна*, в отличие от позиции тех, «кто должен дать отчет прежде, чем получит право гордиться истинностью своих утверждений» [1, с. 395]⁷. Гегель тоже критикует ее удобство, добавляющее от напряжения понятия, от усилий мышления: «Легче отдаваться рассмотрению таких форм и, исходя из них, строить произвольные философемы, чем брать на себя развитие понятия» [8, с. 31]⁸. Кант решительно настаивает на том, чтобы о чувстве был дан разумный отчет, иронизируя над отсутствием его скептической проверки, так как «действительно, кто осмелится опровергать мое чувство?» [1, с. 395]⁹. Сторонники предчувствия и чувства сверхчувственного вещают свои мнимо непосредственные достоверности «тоном повелителя, освобожденного от труда доказывать правооснование своего владения» [1, с. 395]¹⁰. Кант насмешливо добавляет: «Итак, да здравствует философия чувства, подводящая нас прямо к сути дела! Долой мудрствование понятиями» [1, с. 395]¹¹. Намекая на Якоби, Кант характеризует такой способ действий как «некий мистический акт, скачок (*salto*

⁴ Рус. пер.: [7, с. 10–11].

⁵ Рус. пер.: [7, с. 11].

⁶ Рус. пер.: [2, с. 244].

⁷ Рус. пер.: [2, с. 232].

⁸ Рус. пер.: [9, с. 71].

⁹ Рус. пер.: [2, с. 232].

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

mortale) от понятий к невысказанному, попытку постичь то, что недоступно понятию, ожидание тайн, или, скорее, пустое обнадеживание ими, а на самом деле мороченье голов» [1, с. 398]¹². В противовес этому Кант утверждает, что действительно философским способом является одно только логическое возведение сути дела к отчетливым понятиям. Лишь дискурсивное напряжение мысли дает ясное усмотрение, в отличие от *эвикоков* религиозной философии и *оракулства*: по Канту, «не существует теоретической веры в сверхчувственное» [1, с. 396]¹³. Предчувствие невысказанного в качестве ожидания содержит лишь надежду на то, что нечто раскроется, но само раскрытие является задачей разума, разрешимой лишь посредством понятий. Ссылка на перескакивание к невысказанному ведет не к познанию сути дела, а лишь к «суррогату его», вынуждая довольствоваться «сверхъестественным откровением (мистическим просветлением), что является смертью для всякой философии» [1, с. 398]¹⁴. Вельможи от философии просто отказываются от любой проверки, ибо каждый из них настаивает на своем специфическом откровении тайн, вместо того чтобы вступить на мучительный путь медленного развития понятий и тщательно проверенных основоположений. Не аргументы, но аналогии и образные выражения помогают им передать чувство и веру. При таком «эстетическом способе представления», как называет его Кант, и чувственно-аналогическом его изложении из «выражения разума» делают «возню вокруг таинства» и скрытую покрывалом «богиню Изиду» [1, с. 405]¹⁵. Кант, сославшись на Аристотеля, философия которого, «напротив, есть труд» [1, с. 393]¹⁶ (Гегель, рецензируя Якоби, следует за ним и в этом), завершает свою статью следующим знаменитым положением: «В принципе вся философия прозаична, и предложение начать философствовать поэтически может быть расценено не иначе как предложение купцу впредь писать свои торговые книги не в прозе, а в стихах» [1, с. 407]¹⁷.

Форма выражения философии: Гегель примыкает к Канту

Прежде чем показать, что Гегель напрямую примыкает к изложенной выше позиции Канта, необходимо вкратце напомнить о высокой оценке Гегелем, по его признанию, *благородного Якоби*. Автора брошюры

---

¹² Рус. пер.: [2, с. 235].

¹³ Рус. пер.: [2, с. 234, прим.].

¹⁴ Рус. пер.: [2, с. 235].

¹⁵ Рус. пер.: [2, с. 244].

¹⁶ Рус. пер.: [2, с. 230].

¹⁷ Рус. пер.: [2, с. 245, прим.].

о Спинозе и Юме (оба эти сочинения Якоби Гегель прочел еще студентом Тюбингенского университета) он считает также «спекулятивной головой», «остроумным критиком рефлексивной философии», указавшим на границы рассудка и на «антитезу рассудку» [10, с. 453]. Характеристика Гегелем Якоби как *остроумного* критика выбрана им, пожалуй, не случайно и своим источником имеет, наверное, § 49 кантовской «Критики способности суждения», где речь идет о представлениях способности воображения, которым не может быть адекватным никакое понятие. Стало быть, уже этой характеристикой Гегель имплицитно обращает наше внимание на различие представления и понятия. В работе «Вера и знание» Гегель пишет: «Якоби усматривает в положении об основании его значение как принципа разумного познания, утверждающего: *totum parte prius necesse est*¹⁸, или — единичное определено только в целом, оно обладает реальностью только в абсолютном тождестве, которое, поскольку в нем положено различимое, есть абсолютная тотальность» [3, с. 235]¹⁹. Сознание абсолютного, божественное сознание есть для Якоби дух как конститутивное условие самосознания. В § 62 «Энциклопедии философских наук» Гегель дает следующее резюме его заслуг: критика рассудка как познания конечного — как движения «по цепи обусловленного» от одного обусловленного к другому. Якоби, признает Гегель в § 77 той же работы, пришел «к само по себе важному результату, что процесс познания, держащийся в своем поступательном движении *конечных* опосредствований, познает лишь конечное и не содержит в себе истины» [8, с. 167]²⁰. Любое содержание, удерживаемое рассудком, есть особенное, конечное, опосредствованное и тем самым — ограниченное, но декларируемое им в качестве истинного знания. Однако представление обусловленного предполагает представление безусловного, отчего Якоби справедливо не видит никакого иного выхода из этого способа действий, заключающегося в непрекращающемся продвижении путем опосредствования, кроме утверждения непосредственного знания, или интеллектуального созерцания абсолюта.

В рецензии на третий том сочинений Якоби Гегель указывает на наличие у автора «беспримесного... созерцания и познания субстанциального, которое есть спинозизм» [10, с. 432]. Это — созерцание *абсолютной отрицательности*, так как все конечное должно рассматриваться с точки зрения вечности (*sub specie aeternitatis*). Если Бог или абсолютное берутся как дух, то человеческий дух непосредствен-

---

¹⁸ Необходимо, чтобы целое предшествовало части (лат.).

¹⁹ Рус. пер.: [4, с. 200].

²⁰ Рус. пер.: [9, с. 200].

но знает о Боге. Говоря словами Гегеля, это и есть та «абсолютность, которую самосознание знает в себе самом» [10, с. 448], что Якоби «самым определенным и резким образом подчеркивает» [10, с. 435]. Обоснованность гегелевской интерпретации Якоби не может быть обстоятельно исследована в данной статье, как и сама дискуссия о различных формах изложения философских позиций. В плане гегелевского следования за Кантом должна быть рассмотрена лишь основная сложность для философствования Якоби — весьма проблематическое соотношение между непосредственной, внутренней достоверностью и ее выражением, формой сообщения этого предположительно достоверного. Содержательный вопрос, в отношении которого Кант, Гегель и Якоби друг с другом согласны, состоит в том, что Якоби называет *прыжком*, Кант — *скачком*, а Гегель — *отрицанием конечного*. Речь о том, что в собственном описании Якоби, к которому мы обратимся позднее, означает *потустороннее*, где он после своего смертельного прыжка в него вновь *встает на ноги крепким и здоровым*. Сначала рассмотрим некоторые корреспондирующие моменты трактовки этого вопроса у Канта и Гегеля.

В статье «О вельможном тоне» Кант пишет о скачке от понятий к невысказанному — о постижении того, что недостижимо для понятия. Гегель интерпретирует божественное или абсолютное Якоби как абсолютно потустороннее в вере и чувстве, как ничто для мыслящего разума. Он считает, что Якоби фиксирует лишь *голую антитезу* рассудку, *исключая* противопоставляет свой разум истине рассудка и отрицает то, что разумное может быть постигнуто мыслью посредством понятий. Согласно Гегелю, речь идет о пустом для мышления пространстве, наполняемом лишь предчувствием и чувством, или верой. Тем самым абсолютное располагают *над* разумом и постулируют *вне-понятийный доступ к нему* — фиксированную непостижимость, которая доступна лишь вере. Такое абсолютное представляет собой *запретный для мышления город*. Абсолютность, достоверная для самосознания внутри него самого, положена в тотальной оппозиции к работе понятия. Виденье, чувствование, вера, уверения, апелляция (в отличие от мышления в понятии) себя ограничивают; они есть знание, которое в состоянии высказать о Боге только то, что он *есть* [11, с. 207–208]²¹.

Теперь укажем на собственные притязания Якоби. При описании своего отличия от Гегеля Якоби полагает, что устанавливает тот же самый *путь мысли*, только у Гегеля прыжок отсутствует, а у него он есть. Здесь речь о «пути мысли» остается если не вводящей в заблуждение, то

---

²¹ Рус. пер.: [9, с. 227, приб.].

неясной. В якобиевской брошюре о Юме можно прочесть, «что, согласно *строгим философским понятиям* [sic! — К. Ф.], это знание есть лишь вера, поскольку в то, что нельзя строго доказать, можно лишь верить» [13, с. 23]. Здесь, во-первых, дается отсылка к «строгим философским понятиям», а во-вторых, вера неожиданным образом поднимается до статуса знания, причем даже объявляется фундаментальным знанием. Для Канта и отчасти для Гегеля это есть, если держаться языка Якоби, невероятное чудо. Якоби подчеркивает это недвусмысленным образом; начало одного из его центральных положений гласит: *мы знаем посредством веры*. Из-за отказа от мышления речь здесь идет о внутреннем откровении, о чувстве как внутреннем оракуле. Верят в предельное, в то, что о Божественном сказано окончательное — то, против чего нельзя возразить.

Позитивные идеи Якоби обладают статусом лишь *уверений*, так как традиционное различие веры и знания получает у него новое истолкование и переносится в философию. Абсолютное опускается до непознаваемого Бога по ту сторону пограничных столбов разума. С помощью декрета, объявляющего недействительным различие созерцания, представления и понятия, вера приобретает у него статус фундаментального знания. Гегель считает этот декрет объявлением философии банкротом еще до того, как она началась, *присягой философии на верность откровению*. То, что прежде считалось смертью философии, пишет Гегель, вновь отсылая к Канту, ныне объявляется ее высшим пунктом. Этот способ действий, по Канту, ведет, напомним, не к подлинному познанию предмета, а только к его суррогату. В своей рецензии на Якоби Гегель так же характеризует *остроумное* у Якоби как «вид суррогата методически из себя самого образованного мышления» [10, с. 453]. Вслед за кантовскими порицаниями отсутствия обоснования, внутреннего оракула и манеры апеллировать к нему Гегель пишет об «импонирующих заверениях», о голых «апелляциях» к неопределенному содержанию абсолютности, которая якобы имманентна субъективности, о «чистых призывах к этим мнимым основоположениям» [10, с. 453]. То, как Кант сформулировал кредо Якоби («Никто не смеет оспорить моего чувства»), является для Гегеля абсолютной самовлюбленностью и эгоцентричностью. Гегелю ясно, что Якоби находится на точке зрения пирроновского скептика — «того, кто останавливается на самовлюбленности, на том, что ему так видится, что он имеет такое мнение; того, кто не собирается выдавать свои высказывания за *объективное мышление и суждение*, придется оставить с этим» [14, с. 249]. В разделе своих более поздних лекций по истории философии, посвященном Якоби, Гегель замечает: «Не все, что мне приходит в голову, что всплы-

вает во мне, признается *истинным* только потому, что оно *откровенно* во мне» [15, с. 329]²².

Вместо того чтобы поставить вопрос о значимости, легитимации этого подъема в абсолютное, Якоби принимает непосредственную достоверность как факт сознания — без всякой аргументации и проверки. Здесь очевидно наследие шотландской философии здравого смысла: внутреннее откровение подобно *self-evident truths*, т. е. самоочевидной истине, и *inward light*, т. е. внутреннему свету, для которого не нужна легитимация, который ее даже исключает, ибо он есть выражение скрытого присутствия Бога в сознании и никоим образом не может быть предметом сомнения. Принципы веры и откровения считаются шотландцами и их немецкими последователями неодолимыми бастионами против самых неисправимых скептиков. Любой критикан обладает властью, но не здесь (таков их милый и типичный «аргумент»), ведь это — не царство аргументов и остроумия, это совсем иная земля, совершенно иная игра, в которой понятийное мышление не компетентно. Вопрос о правилах этой иной игры объявляется бессмысленным.

Скрытая непосредственная очевидность, в отличие от свободной, открытой для заблуждения и обсуждения сферы опосредствования, считается несвободной и потому недоступной для ошибки данностью сознания. В этом как раз и заключается *проблема* сообщения: согласно Якоби, абсолютное нельзя не только обосновать, но его нельзя и выразить; следовательно, приходится пребывать в немой достоверности по отношению к высшему. Кант описывал этот тип как «*philosophus per inspirationem*»²³: в нем есть тайна, но он не в силах ее высказать и сообщить ее всеобщим образом — «с помощью публичного слова» [1, с. 475]²⁴. Согласно Якоби, Всемогущий в своей благодати нисходит до нас, и его милостью вечное и невыразимое внутренне открывается некоторым людям, а Якоби, вполне последовательно, восклицает в экстазе: «Я умолкаю!» Вместе с тем он, однако, решает сообщить открывшееся ему, переводит, строго говоря, невыразимое в определенную форму языка, рассказывает о своем чувстве, и его тексты в этих местах представляют собой именно рассказы в античном смысле — введение в мистерии.

В качестве краткого промежуточного резюме можно утверждать следующее: в философских учениях, настаивающих на непосредственном, легитимация, согласно общему взгляду Канта и Гегеля, вынесена за пределы мышления. Понятийное мышление дает якобы лишь зна-

²² Рус. пер.: [16, с. 473].

²³ Философа по вдохновению (лат.)

²⁴ Рус. пер.: [2, с. 225].

ние секунд-хенд, а из первых рук его получает только вера (belief или faith). Таким образом, разъясняет этот пункт Гегель, Якоби «ошибочно считал, что упрек, который он справедливо делает рефлектирующему рассудку, затрагивает мышление вообще и, следовательно, также и разумное мышление» [8, с. 133]²⁵. Определенную формацию рассудка он сразу объявляет мышлением вообще, что связано с некорректной экстраполяцией этого образца на философское мышление в понятии, на понятийное мышление. Якоби в своем выступлении против воздыхателей по системе и мудрствующих разумников дал в виде возражения на гегелевскую «Феноменологию духа» и «Науку логики» настоящее заявление об отсутствии, ибо гегелевский опыт преодоления старой парадигмы (опыт возведения рассудка к разуму) его проверке не подвергся.

Только лишь непосредственная достоверность именно поэтому и не равна знанию как таковому. Гегелевская «Феноменология духа» стремится к тому, чтобы удовлетворить требование Канта о проверке в виде постепенного движения от чувственной достоверности до абсолютного знания способом полностью осуществленного скептицизма. Глава «Энциклопедии философских наук», посвященная непосредственному знанию, к числу представителей которого относится Якоби, самым последовательным образом заканчивается указанием на скептицизм как на отрицательную науку, проведенную через все без исключения формы познания, которая доказывает ничтожность всех этих «голых уверений» [8, с. 133]²⁶. Хотя уже Кант предостерегал от принятия *обветшавших гипотез* как от контрабанды, до наших дней многие довольствуются уверениями и говорят о фактах сознания как о непосредственном откровении субъекта.

Лирика абсолютного и аристократизм души

Гегель пишет, что якобиевская форма изложения сообщенного «сверхъестественным» образом противоположна развитию из понятий, доказыванию и мыслящему методу, так как она не одета «в эти формы познания» [10, с. 453]. Преисполненные чувства, одухотворенные представления и образы у Якоби не переходят в понятия, ибо он остается при форме «конкретных представлений и рассудочных мыслей». У Якоби имеется лишь «богатство одухотворенных оборотов и образов, через которые наружу выступает глубина во всей своей ясности и наивности». Гегель признает заслугу «таких счастливых находок и богатых

²⁵ Рус. пер.: [9, с. 172].

²⁶ Рус. пер.: [9, с. 201].

смыслом изобретений» [10, с. 453]: можно и нужно предаться наслаждению возбуждения посредством чувства и представления. Даже преувеличивая достоинства Якоби, он подчеркивает его право доводить форму и образ выражения до высшей точки. Подробные размышления Гегеля о силе воздействия формы изложения как формы удостоверения в абсолютном можно найти и в его лекциях по философии искусства, где они излагаются в связи с рассмотрением образного представления мысли, ее подкрепления красотой метафор, доставляющих свободное удовольствие фантазией, потрясающими формами выражения и оригинальной комбинаторикой.

В «Вере и знании» на страницах, посвященных Якоби, он пишет о «музыке призывов и отзвуков спекулятивных идей» [3, с. 354]²⁷, в «Феноменологии духа» — о «гениальности» его «глубоких оригинальных идей» [17, с. 64]²⁸. Однако Гегель вполне согласен с Кантом, что истинные понятия и научное усмотрение мы можем приобрести лишь посредством работы понятия. Для Гегеля в том, выражает ли себя мысль в *форме представления* (в виде образа или рассказа) или в *форме понятия*, заключено существенное различие. Переход от религии откровения к абсолютному знанию в «Феноменологии духа» может быть рассмотрен в этом отношении в качестве урока. Прекрасные чувства и богатство образов из-за их многозначности и связанности с контекстом есть еще не высшее знание. Говоря здесь о *якобиевской манере философствовать в форме представления*, Гегель, похоже, отсылает к § 49 «Критики способности суждения», а именно — к кантовскому различению *манеры* (*modus aestheticus*) и *метода* (*modus logicus*). Заметим, что современная мысль о субъективности из кантовских форм понятий опять превращается в «лирику небесной тоски» [3, с. 387]²⁹. Мы снова и снова слышим в ней музыку призывов и отзвуков спекулятивных идей, но не аргументы, не научное изложение. Об абсолютном сообщают не в форме разумного познания, а в форме представлений — созданий способности воображения, в поэтических образах. Якоби не признает бесконечную заслугу кантовской «Критики чистого разума», состоящую в том, что она познала идею изначально синтетической апперцепции *самосознания*, которое существенным образом должно быть определяющим себя самого также и в познании. Согласно Гегелю, Кант познал свободу духа как принцип также и с теоретической стороны [10, с. 442]. У Якоби же всем командует внутреннее откровение, которое принуждает человека верить и принимать вечные истины только по-

²⁷ Рус. пер.: [4, с. 217].

²⁸ Рус. пер.: [18, с. 38].

²⁹ Рус. пер.: [4, с. 246].

средством веры. Форма выражения в сочинениях Якоби подтверждает это различие форм представления и чистого мышления. Из материала собственного невыразимого чувства создаются представления о Божественном, ибо о божественных вещах он просто рассказывает — сообщает нарративным образом. Разум «сочиняет истину», согласно программному высказыванию Якоби [19, с. 293]. Он открыто говорит, что использует любые обороты, метафоры и образы. Произведения Якоби, замечает Гегель, отличаются многочисленными поэтическими оборотами, сентиментальные изречения, постоянная смена рефлексий богатой метафорикой. Его тексты представляют собой смешение аргументов и мифопоэтических изложений чувств и ощущений, они, по Гегелю, — «помесь родов», гибрид аргументации и поэзии [10, с. 453–454].

Некоторые примеры метафоричности, образности, поэтичности языка Якоби как формы апелляции, как выражение чувства, внутренней достоверности, как формы высказывания и сообщения внутреннего откровения демонстрируют интересную смесь христианской метафорики, скептического Просвещения и шотландского реализма. Типичным примером этой риторической микстуры из фигуральных оборотов представления являются якобиевские высказывания о «внутреннем прасвете» и «искре вечного чистого света» [19, с. 147]. В них представления о *inward light* Томаса Рида смешаны с христианским и просвещенческим образами света, так как, согласно Якоби, философия коренится в том, что человеческое познание исходит из Откровения. Существенное высказывается лишь Богом, а человек в молчании склоняется перед вечным (мы имеем дело, разумеется, с *аристократическим Богом* и его *избранными пророками*, как заметил и Гёте в своем письме Мейеру, отзываясь на кантовскую статью). Такова, пишет Гегель, «гениальность, знающая, что внутренний голос ее непосредственного знания есть голос божественный» [17, с. 481]³⁰. Якоби считает, что тот, кому Всемогущий открывает свое лицо, может его лицезреть, от других же (таких, как безбожный логический энтузиаст Гегель — один из тех философов, которым кажется слишком мелким оставаться при воле Бога) он «скрывается в вечных сумерках, в чем они в конечном итоге утрачивают самого Творца» [19, с. 149]. Логический энтузиазм Якоби недвусмысленно именуется «ложным учением», разряженным учеными отвратительным призраком, который в состоянии лишь кивать своим голым черепом. Вера, собственно, доступна не каждому. Она «в отличие от науки, — не достояние каждого, т. е. не может быть сообщена любому, кто только приложит достаточно усилий» [19, с. 316]. Господь есть только для вер-

---

³⁰ Рус. пер.: [18, с. 351].

ных ему, ищущих его в простоте сердца и именно во сне. Но в таком случае, лапидарно добавляет Гегель, это — лишь только сны. Подобно Канту и Гете, можно говорить об «аристократизме души», который имплицитно содержит в себе в конечном итоге прекращение всякого диалога и отказ от него — ведь тому, кто не находит в себе якобиевских обретений (или, как их называет Кант, «мистических озарений»), *вельможе* сказать нечего. Хотя «старый Кант» в статье «О вельможном тоне» никого, пишет Гете, прямо не назвал, он «очень точно обрисовал господ аристократов от философии»³¹.

Смертельный прыжок

Подъем к абсолютному описывается в сочинениях Якоби с помощью различных метафор: «прыжок с плоской почвы», «парение над скалами и пропастями» и «вставание на ноги живым и здоровым» [19, с. 26]. Есть и образ «прыжка прочь с батута» [19, с. 36]. В другом месте речь идет о духовной необходимости и субстанции «как маховом пере, вздымающем меня, когда я уверенно и изо всех сил держусь за нее» [19, с. 314]. В связи с таким *salto mortale* представление об абсолютном приобретает многообразное символическое значение, одновременно исключаящее понятийное постижение абсолютного. Эти *эквики* и *случайности* в форме сообщения никоим образом не есть непредубежденная манера Якоби; они — необходимый способ выражения его чувства и его позиции, заключающейся в том, что понятийное познание абсолютного невозможно. Важным показателем этого является употребление им повсюду слов *Бог* и *абсолютное* как синонимов, ибо между представлением и понятием Якоби никакого различия не проводит. Чтобы это выдающееся представление о Божественном не давало повода подозревать Якоби в фантазирующем гипостазировании собственных ощущений, необходимо было бы дать более точное описание его объема и содержания. Однако *философия уверения* не может выполнить это требование. Якоби демонстрирует в первую очередь критику и при этом подчеркивает, что он, во-первых, не картезианец и, во-вторых, не создатель системы [19, с. 164].

Интерес представляет также то, что можно, пожалуй, назвать *языком верующего реализма*, ядром которого является миф о данности. Назвав эту форму сообщения мифом, мы характеризуем ее по существу. В случае Якоби речь идет именно о поэтически-мифологической

---

³¹ Письмо Гете к Г. Мейеру (H. Meyer) от 30.10.1796 (ср. также: письмо Гёте к Шиллеру от 12.09.1797).

форме выражения данности. Как верующий реалист он должен констатировать: «Любое познание может исходить исключительно и только из веры, поскольку вещи должны быть мне даны прежде, чем я буду в состоянии усмотреть отношения» [13, с. VI]. В этом контексте Якоби ссылается на немецкую рецензию о ридовском «Essays on the intellectual Powers of Man». В ней *perception* переведена как *ощущение*, и, согласно Риду, «представление какой-либо вещи связано с верой в ее внешнюю предметность» [13, с. 27]. Эта данность якобы неопровержима, ведь посредством «веры мы знаем, что обладаем телом, и что вне нас имеются другие тела и другие мыслящие существа» [19, с. 114]. Отсылка к *внешнему* или *иному* имеет характер раскрытия того, что уже *находится передо мною*, а подходящие слова для этого — «воспринимаю», «обнаруживаю», «открываю»³². Предпочитаемым в данном случае способом выражения является пассивный залог в смысле созерцания и провидения. Приобретение высшей достоверности — не дело рук человека, так как Божественное *царит и дает знать о себе* в человеке.

Любые сомнения в достоверности абсолютно данного в глазах *философов* совершенно смешны и суть призраки мысли. Человек должен быть послушным и доверять ей: «Полное подчинение высшему авторитету, святое послушание было духом любой эпохи, которая во множестве породила великие поступки, великие мысли, великих людей», — пишет Якоби [19, с. 141–142]. Призыв к безусловному принятию нравов предков равен апофеозу *привычности*, преднайденного, данности. Он, Якоби, ничего не может знать *a priori*, он не намерен сам полагать границ, а может лишь найти уже положенные и оставить их такими, какими они даны или имеются [19, с. 35]. Если же неспособные внять озарению или наставлению скептики спрашивают о происхождении границ, то оно объявляется тайной, дискурсивно непостижимой, а артиллерия логического остроумия — стреляющей в пустоту. Поэтому Якоби советует не спорить с положениями Гегеля, а вместо этого слушаться приказа. Это приказание религиозной вере отдает, естественно, чувство, что вновь есть собственно необозримый *circulus vitiosus* (порочный круг). Аргументы, с точки зрения Якоби, не могут принести *познанию* непосредственного ни вреда, ни пользы. Он формулирует важные возражения против рефлектирующего рассудка, однако против понятийного мышления разума они не имеют никакой силы.

Итак, довольно близко следуя за Кантом, Гегель ясно изложил свою позицию в отношении философствования Якоби, показав вес и пределы непосредственного знания. Гегелевская претензия к мыслителям, на-

---

³² Ср.: [20].

стаивающим на непосредственности, в том числе к Якоби, заключается в том, что они «исключают опосредствование», ибо непосредственному знанию придается эксклюзивное положение и это исключительно непосредственное знание просто утверждают или в нем заверяют как в факте сознания³³. Поскольку же это чувство как факт сознания выступает критерием истины, постольку фундаментом у Якоби становится чисто субъективное знание и уверенность в обнаружении некоторого содержания в сознании — чистая субъективность без какой-либо объективности, не более.

Литература

1. Kant, I. (1923), Von einem neuerdings erhobenen vornehmen Ton in der Philosophie, in: *Kant's Gesammelte Schriften „Akademieausgabe“*, Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften, Berlin 1900ff. Bd. 8, pp. 387–406.
2. Кант, И. (1994), О вельможном тоне, недавно возникшем в философии, в: Кант, И. *Собрание сочинений: в 8 т.* Т. 8, М.: Чоро, с. 225–245.
3. Hegel, G. W. F. (1970), Glauben und Wissen oder die Reflexionsphilosophie der Subjektivität in der Vollständigkeit ihrer Formen als Kantische, Jacobische und Fichtesche Philosophie, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 2, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, pp. 286–433.
4. Гегель, Г. В. Ф. (2021), Вера и знание, или Рефлексивная философия субъективности в полноте своих форм как философия Канта, Якоби и Фихте, в: Гегель, Г. В. Ф. *Вера и знание. Работы ранних лет*, СПб.: Умозрение, с. 155–286.
5. Kuehn, M. (1987), *Scottish Common Sense in Germany 1768–1800*, Kingston and Montreal: McGill-Queen's University Press.
6. Kant, I. (1911), Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können, in: *Kant's Gesammelte Schriften „Akademieausgabe“*, Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften, Berlin 1900ff. Bd. 4, pp. 253–384.
7. Кант, И. (1994), Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука в вельможном тоне, недавно возникшем в философии, в: Кант, И. *Собрание сочинений: в 8 т.* Т. 4, М.: Чоро, с. 5–152.
8. Hegel, G. W. F. (1970), Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 8, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
9. Гегель, Г. В. Ф. (1974), *Энциклопедия философских наук, т. 1. Наука логики*, М.: Мысль, 1974.
10. Hegel, G. W. F. (1970), [Über] Friedrich Heinrich Jacobis Werke, Bd. 3, Leipzig, bei Gerhard Fleischer dem Jüngeren, 1816. XXXVI und 568 S., in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 4, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, pp. 429–461.
11. Hegel, G. W. F. (1970), Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 10, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
12. Гегель, Г. В. Ф. (1974), *Энциклопедия философских наук, т. 3. Философия духа*, М.: Мысль, 1977.

---

³³ См.: раздел «С. Третье отношение мысли к объективности. Непосредственное знание», § 61–78, «Энциклопедии философских наук» Гегеля: [8], рус. пер.: [9].

13. Jacobi, F.H. (1787), *David Hume über den Glauben oder Idealismus und Realismus: Ein Gespräch*, Breslau: Loewe.
14. Hegel, G. W. F. (1970), Verhältnis des Skeptizismus zur Philosophie. Darstellung seiner verschiedenen Modifikationen und Vergleichung des neuesten mit dem alten, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 2, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, pp. 213–272.
15. Hegel, G. W. F. (1970), Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 20, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
16. Гегель, Г. В. Ф. (1994), *Лекции по истории философии. Книга третья*, СПб.: Наука.
17. Hegel, G. W. F. (1970), Phänomenologie des Geistes, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 3, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
18. Гегель, Г. В. Ф. (1992), *Феноменология духа*, СПб.: Наука.
19. Jacobi, F.H. (1785), *Über die Lehre des Spinoza in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn*, Breslau: Loewe.
20. Zöller, G. (1998), „Das Element aller Gewißheit“ — Jacobi. Kant und Fichte über den Glauben, in: *Fichte-Studien, Bd. 14, Fichte und Jacobi* (Hrsg. v. K. Hammacher), Amsterdam, Atlanta.

Статья поступила в редакцию 14 июня 2022 г.;
рекомендована к печати 23 июня 2022 г.

Контактная информация:

Фивег Клаус — проф.; klaus.vieweg@uni-jena.de

Kant, Hegel and Friedrich Heinrich Jacobi: Salto mortale and the noble tone in philosophy*

K. Vieweg

Friedrich-Schiller University Jena,
1, Fürstengraben, Jena, 07743, Germany

For citation: Vieweg K. Kant, Hegel and Friedrich Heinrich Jacobi: Salto mortale and the noble tone in philosophy. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2022, vol. 3, pp. 193–209. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.113> (In Russian)

In his writings, Hegel positioned himself clearly on Jacobi's philosophizing, revealing the weight and limits of a philosophy of direct knowledge. The complaint of the idea of immediacy also occurs with Jacobi with "exclusion of mediation". Immediate knowledge is given a totally exclusive position and this exclusively immediate knowledge is merely asserted or asserted as a fact of consciousness. Since this "feeling", this fact of consciousness, is considered the criterion of truth, the merely subjective knowledge and the assurance of finding a content in my consciousness, pure subjectivity without any objectivity, becomes the foundation. In the philosophies of the immediate, according to Kant and Hegel, legitimation is shifted to the gates of thinking, comprehensible thinking only provides second-hand knowledge, first-hand is only

---

* Translated from German by A. N. Muraviyov.

belief or belief. Only immediate certainty is not the same as knowledge. Hegel's phenomenology attempts to satisfy Kant's demand for testing in the form of a gradual progression from certainty to knowledge in the form of a self-fulfilling skepticism. The encyclopedia chapter on immediate knowledge, of which Jacobi is one of the more recent representatives, then also consistently concludes with the reference to skepticism as a negative science carried out through all forms of knowledge without exception, which proves the nullity of all these mere assurances. This passage follows directly after the exposition of the claims of exclusive-immediate knowledge. Although Kant warned against dilapidated hypotheses as forbidden goods, assurances are given today and speak of facts of consciousness, of the "immediate revelation of the subject". Jacobi formulates weighty objections to the reflective mind. Against understanding thinking, against reason, they have no power.

Keywords: Hegel, Kant, Jacobi, immediate knowledge, subject, consciousness, mediation, intellect.

References

1. Kant, I. (1923), Von einem neuerdings erhobenen vornehmen Ton in der Philosophie, in: *Kant's Gesammelte Schriften „Akademieausgabe“*, Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften, Berlin 1900ff. Bd. 8, pp. 387–406.
2. Kant, I. (1994), Von einem neuerdings erhobenen vornehmen Ton in der Philosophie, in: *Kant's Works in 8 vols*, vol. 8, Moscow: Choro Publ., pp. 225–245. (In Russian)
3. Hegel, G. W. F. (1970), Glauben und Wissen oder die Reflexionsphilosophie der Subjektivität in der Vollständigkeit ihrer Formen als Kantische, Jacobische und Fichtesche Philosophie, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 2, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, pp. 286–433.
4. Hegel, G. W. F. (2021), Glauben und Wissen oder die Reflexionsphilosophie der Subjektivität in der Vollständigkeit ihrer Formen als Kantische, Jacobische und Fichtesche Philosophie, in: Hegel, G. W. F. *Glauben und Wissen. Works of early years*, St. Petersburg: Umozrenie Publ., pp. 155–286. (In Russian)
5. Kuehn, M. (1987), *Scottish Common Sense in Germany 1768–1800*. Kingston and Montreal: McGill-Queen's University Press.
6. Kant, I. (1911), Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können, in: *Kant's Gesammelte Schriften „Akademieausgabe“*, Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften, Berlin 1900ff. Bd. 4, pp. 253–384.
7. Kant, I. (1994), Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können, in: *Kant's Works in 8 vols*, vol. 4, Moscow: Choro Publ., pp. 5–152. (In Russian)
8. Hegel, G. W. F. (1970), Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 8, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
9. Hegel, G. W. F. (1974), *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, Bd. 1, Wissenschaft der Logik*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
10. Hegel, G. W. F. (1970), [Über] Friedrich Heinrich Jacobis Werke, Bd. 3, Leipzig, bei Gerhard Fleischer dem Jüngeren, 1816. XXXVI und 568 S., in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 4, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, pp. 429–461.
11. Hegel, G. W. F. (1970), Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 10, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
12. Hegel, G. W. F. (1977), *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, Bd. 1, Philosophie es Geistes*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)

13. Jacobi, F.H. (1787), *David Hume über den Glauben oder Idealismus und Realismus: Ein Gespräch*, Breslau: Loewe.
14. Hegel, G.W.F. (1970), Verhältnis des Skeptizismus zur Philosophie. Darstellung seiner verschiedenen Modifikationen und Vergleichung des neuesten mit dem alten, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 2, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, pp. 213–272.
15. Hegel, G. W. F. (1970), Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 20, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
16. Hegel, G. W. F. (1994), *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*, Bd. 3, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
17. Hegel, G. W. F. (1970), Phänomenologie des Geistes, in: Hegel, G. W. F. *Werke in 20 Bänden*, Bd. 3, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
18. Hegel, G. W. F. (1992), *Phänomenologie des Geistes*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
19. Jacobi, F.H. (1785), *Über die Lehre des Spinoza in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn*, Breslau: Loewe.
20. Zöllner, G. (1998), „Das Element aller Gewißheit“ — Jacobi. Kant und Fichte über den Glauben, in: *Fichte-Studien Bd. 14 Fichte und Jacobi* (Hrsg. v. K. Hammacher), Amsterdam, Atlanta.

Received: June 14, 2022
Accepted: June 23, 2022

Author's information:

Klaus Vieweg — Professor; klaus.vieweg@uni-jena.de